

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

- А.Н.Островский. Не в свои сани не садись

- Лица

- Действие первое

-

- Явление первое

- Явление второе

- Явление третье

- Явление четвертое

- Явление пятое

- Явление шестое

- Явление седьмое

- Явление восьмое

- Явление девятое

- Действие второе

-

- Явление первое

- Явление второе

- Явление третье

- Явление четвертое

- Явление пятое

- Явление шестое

- Явление седьмое

- Явление восьмое

- Явление девятое

- Явление десятое

- Явление одиннадцатое

- Явление двенадцатое

- Явление тринадцатое

- Явление четырнадцатое

- Явление пятнадцатое

- Действие третье

- Сцена I

-

- Явление первое

- Явление второе

- Явление третье

- Сцена II

-

- [Явление четвертое](#)
- [Явление пятое](#)
- [Явление шестое](#)
- [Явление седьмое](#)
- [Явление восьмое](#)
- [Явление девятое](#)
- [Явление десятое](#)
- [Явление одиннадцатое](#)
- [Явление двенадцатое](#)
- [Явление тринадцатое](#)
- [Явление четырнадцатое](#)
- [Комментарии](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

А.Н.Островский. Не в свои сани не садись

Александр Николаевич Островский

Не в свои сани не садись
(Комедия в трех действиях)

Лица

Максим Федотыч Русаков, богатый купец.

Авдотья Максимовна, его дочь.

Арина Федотовна, его сестра, пожилая девушка,

Селиверст Потапыч Маломальский, содержатель трактира и гостиницы.

Анна Антоновна, его жена.

Иван Петрович Бородин, молодой купец, имеющий мелочную лавочку и погребок.

Виктор Аркадьич Вихорев, отставной кавалерист.

Андрей Андреич Баранчевский, чиновник.

Степан, слуга Вихорева.

Половой в гостинице.

Мальчик и девушка (без речей).

Действие происходит в уездном городе Черемухине.

Действие первое

Общая комната в гостинице; на задней и по боковым стенам по двери, в левом углу от зрителей стол.

Явление первое

Степан сидит за столом и ест селедку на синей сахарной бумаге. Половой стоит подле него с полотенцем на плече.

Степан. Что ты, братец, смотришь? Незавидное кушанье! Тонкое житье! Третий день вот селедками пробавляюсь, а что в них проку-то, только пьешь да в животе бурчит.

Половой. Что ваш барин-то, служащий?

Степан. Да, служили мы с барином-то без году неделю.

Половой. Что ж так мало-с?

Степан. Гм! где ему служить! Не то у него на уме, и притом же горд... *(Глодает с трудом.)* Кто я, да что я! Да другие провинности да шалушки водились, так все к одному пригнали, да и машир на хаус.

Половой. А имение-то есть у вас?

Степан. Было большое село, да от жару в кучу свело. Все-то разорено, все-то промотано! То есть поверишь ли ты, друг мой, приехали мы это в деревню – ни кола, ни двора; а хлеб-то на поле, так не глядели б глаза мои: колос от колоса – не слышать девичьего голоса.

Половой. А много ль душ-то?

Степан. У тятеньки-то было полтора ста, а у нас только одиннадцать, да я двенадцатый – дворовый. Вот и все.

Половой. Зачем же ваш барин сюда приехал?

Степан. Жениться хочет, из себя очень красив... Как женюсь, говорит, на богатой, все дела поправлю.

Голос за сценой: «Степан!»

Иду-с. (Завертывает селедку в бумагу и кладет в карман. Уходит.)

Половой стирает со стола полотенцем. Бородкин и Маломальский входят.

Явление второе

Бородкин и Маломальский.

Бородкин. Теперича которые я вина получил, Селиверст Потапыч, так останетесь довольны, первейшие сорта.

Маломальский. Молодцы! Соберите чайку... поскорей... лучшего...
(Садится за стол.)

Бородкин. Если вы теперича попробуете, так вы завсегда будете предпочитать брать у меня. А я вам, Селиверст Потапыч, завсегда могу этим делом услужить.

Половой приносит чай и ставит на стол. Бородкин начинает мыть чашки и разливать.

Позвольте вас попотчевать бутылочку лисабончику.

Маломальский. Я, брат, ничего... я выпью.

Бородкин. Мальчик! Паренек!

Входит мальчик.

Сбегай в лавку, скажи приказчику, чтоб отпустил бутылку лисабону лучшего.

Мальчик уходит. Бородкин разливает чай.

А ему, Селиверст Потапыч, нет, врет, – не удастся ему замарать меня.

Маломальский. Теперича, если ты ведешь свой дела правильно и, значит, аккуратно... ну, и никто тебя не может замарать.

Бородкин. Я, истинно, Селиверст Потапыч, благодарю бога! Как остался я после родителя семнадцати лет, всякое притеснение терпел от родных, и теперича, который капитал от тятеньки остался, я даже мог решиться всего капиталу: все это я перенес равнодушно, и когда я пришел в возраст, как должно – не токма чтобы я промотал, или там как прожил, а сами знаете, имею, может быть, вдвое-с, живу сам по себе, своим умом, и никому уважать не намерен.

Маломальский. Это ты в правиле... действуешь.

Бородкин (стучит крышкой чайника). Кипяточку!

Половой подходит и берет чайник.

Маломальский. Ты... имеешь свою... правилу...

Бородкин. Опять, Селиверст Потапыч, за что он меня обижает?

Маломальский. Он не должен этого...

Бородкин. Теперича он пускает слух, якобы, то есть, я занимаюсь этим малодушеством – пить. Так это он врет: кто меня видел пьяным!.. Опять хоша б я доподлинно пил, все-таки, стало быть, на свои: что ли, я на его счет буду пить? А все это, главная причина – одна зависть.

Половой приносит воды. Бородкин разливает.

А может, он того не знает, что я плевать хотел на все это.

Маломальский. Слушай, ты! Оставь втуне... пренебреги! Как ты свой круг имеешь дела, и действуешь ты, примерно, в этом круге... так ты и должен действовать, и тебе ничего не может препятствовать никто.

Бородкин. Все-таки обидно. Говорится пословица: добрая слава лежит, а худая бежит. Зачем я теперь скажу, про человека худо? Лучше я должен сказать про человека хорошо.

Маломальский. Это ты правильно говоришь.

Бородкин. Всякий по чужим словам судит. А почему он знает: может, он мне этим вред делает. Я жениться хочу, так кому же это нужно, когда про человека такая слава идет.

Маломальский. Слушай! Коли ты женишься... кто же может ему поверить... потому как он пустой человек и, с позволения сказать, ничтожный его весь разговор... Никому вреда... кроме себе.

Бородкин. Конечно, Селиверст Потапыч, всякий знает, что все это наносные слова, да к чему же это-с? Что я ему сделал? Я об нем и думать-то забыл, потому как он есть невежа и ругатель.

Половой (приносит бутылку). Прикажете откупорить?

Бородкин. Откупори да бокальчиков дай.

Половой. Сейчас. (Откупоривает, подает на подносе два бокала и наливает.)

Бородкин. Пожалуйста-с. (Берут бокалы и пьют.) Как на ваш вкус?

Маломальский. Ничего... живет... Эй ты! Прибирай чай.

Бородкин. Я вам это самое по полтинничку поставлю. (Молчание. Пьют.) А я вам вот... перед истинным... то есть не то чтобы пьянство или

там что другое, а больше того стараюсь, чтобы люди про меня хорошее говорили. Как живу я при матушке теперича пятый год, сами знаете, честно и благородно... Пожалуйте еще... выкушайте. *(Наливает.)* Никого я не трогаю, значит никому до меня дела нет. Конечно, я по молодости своей обязан уважать старшим, да не всякому же: другой не стоит того и внимания, чтоб ему уважать-то. А я к вам с просьбою, Селиверст Потапыч, заставьте за себя богу молить. *(Встает и кланяется в пояс.)*

Маломальский. Какая же может быть твоя просьба?

Бородкин. Это дело будет касаться Максима Федотыча... Я теперича буду вас просить замолвить за меня словечко.

Маломальский. То есть насчет чего же... это... касающее?..

Бородкин. Насчет Авдотьи Максимовны-с! Есть на то мое желание и маменькино-с.

Маломальский. Это ничего... это можно...

Бородкин. Вы не думайте, Селиверст Потапыч, чтобы я польстился на деньги, или там на приданое, ничего этого нет; мне что приданое, бог с ним, потому у меня и своего довольно; а как собственно я оченно влюблен в Авдотью Максимовну. Стараюсь об ней, примерно, не думать – никак невозможно, потому это сверх моих чувств. Поверите ли, Селиверст Потапыч, сядешь это вечером дома к окну, возьмешь гитару собственно как для увеселения себя, – такая найдет на тебя тоска, что даже до слез.

Маломальский. Это я могу... орудовать...

Бородкин. И мне, кажется, ничего в жизни не надо, кроме как если бы Максим Федотыч отдали за меня Авдотью Максимовну, хотя бы даже безо всякого награждения.

Маломальский. Это все в наших руках.

Бородкин. Будьте отец и благодетель! Нынче Максим Федотыч зайдут к вам, так уж вы ему поговорите, а уж я вам по гроб жизни буду обязан, то есть вот как-с – скажите: Иван, сделай то, я всей душой-с. Прикажете еще бутылочку послать?

Маломальский. Что ж... посылай...

Бородкин *(половому)*. Пошли мальчика-то, чтоб еще бутылочку принес.

Половой. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Входит Русаков. Бородкин быстро встает и раскланивается. Маломальский тоже встает.

Явление третье

Те же и Русаков.

Бородкин (показывая на диван). Пожалуйста-с, Максим Федотыч! Наше вам почтение.

Русаков. Ну, вот, сват, я к тебе пришел, чем-то ты меня станешь потчевать.

Маломальский. Китайских трав... первых сортов... велим подать.

Русаков. Ну тебя с травами!..

Бородкин. Домашние ваши здоровы ли, Авдотья Максимовна, Арина Федотовна?

Русаков. Ничего, живут помаленьку. Ты, Иванушка, что к нам редко заглядываешь?..

Бородкин. Побываю, Максим Федотыч, как-нибудь-с. Это время всё делишки были. Не прикажете ли рюмочку лисабончику?

Русаков. Нет, я этого, брат, не пью. А вот с дорожки-то ты бы, сват, велел подать рюмочку ерофеичу.

Маломальский. Молодцы! Ерофеичу подайте... поскорей, домашнего... да закусочки... Слышь ты, скажи жене, что сват, мол, пришел.

Половой уходит.

Русаков. Об чем вы тут, дружки, толкуете?

Маломальский. Такое дело примерно... важное, рассудку требует.

Русаков. Это ты хорошо, Иванушка, делаешь, что к старшим за советом ходишь. Ум хорошо, а два лучше... Хоть ты парень и умный, а старика послушай... старик тебе худа не посоветует. Так ли я говорю, а?,

Маломальский. Это ты правильно.

Половой приносит водку и ставит на стол.

Русаков (пьет). А ты, сват, выпьешь?

Маломальский. Я, сват... я выпью... я нынче загулял. (Пьет; делает серьезную физиономию.) А у меня есть слово к тебе, сват...

Русаков. Какое же это слово?

Маломальский (с важною физиономиею показывает на Бородкина.) Теперича этот молодец... гм!.. к примеру... (мигает глазом) то есть, примерно, приходит он ко мне... и все этакое...

Русаков. Да ты полно ломаться-то!.. Ты и так-то разговаривать не мастер, а как уж важность-то на себя напустишь, так хоть вовсе брось.

Маломальский. Погода... дело говорю. Гм!.. Выпьем сперва-наперва.

Русаков. Пей, я не хочу.

Маломальский (пьет и морщится). Только вот приходит он ко мне... видишь... так и так, говорит... что он, примерно оказать, влюблен...

Бородкин встает.

Ну, и значит... он просит меня, чтобы я руководствовал его... всему этому делу.

Русаков. Ну?..

Маломальский. Ты погоди!.. Как он теперь в состоянии... то есть... при всем своем полном капитале... ну, и должен законным браком... Гм... приходит это, примерно, ко мне...

Русаков. Уж слышали.

Маломальский. Я, сват... я говорить не умею, а то есть у тебя, примерно, товар, а у нас купец...

Русаков. У тебя, сват, не разберешь – так ли ты городишь, зря, или ты про дело толкуешь.

Маломальский. Про дело, сват.

Русаков. Так про дело делом и толковать надо, а не так. Ведь это не шутка, ты сам посуди! Это навек.

Маломальский. Послушай, сват... ты нам теперь-то что-нибудь, примерно, хоть обиняком...

Русаков. Да что вам сказать-то? Ты знаешь, Дуня у меня одна... Одно утешение только и есть. Мне не надо ни знатного, ни богатого, а чтобы был добрый человек да любил Дунюшку, а мне бы любоваться на их житье... право, так. Я, значит, должен это дело сделать с разумом, потому мне придется за нее богу отвечать.

Бородкин. Конечно, Максим Федотыч, главная причина, как сами Авдотья Максимовна, как им человек понравится.

Маломальский. Это он... так точно.

Русаков. Врете вы оба! Статочное ли дело, чтоб поверить девке, кто ей понравится!.. Известно, дело девичье – глупое... Девку долго ли обмануть!.. Ветрогона какой-нибудь, прости господи, подвернется,

подластится, ну, девка и полюбит; так ее и отдавать бестолку?.. Нет, это не порядок: пусть мне человек понравится. Я не за того отдам, кого она полюбит, а за того, кого я люблю. Да, кого я люблю, за того и отдам. Да я год буду смотреть на человека, со всех сторон его огляжу. А то как девке поверить?.. Что она видела? Кого она знает?.. А я, сват, недаром шестьдесят лет на свете живу, видал-таки людей-то: меня на кривой-то не объедешь.

Маломальский. Ты слушай, сват: значит, за кого отец... за того и ступай... потому он лучше... как можно... девке где?.. Дай им волю-то... после и не расчерпаешь, так ли... а?..

Русаков. Да ты что!.. Все ты не дело толкуешь!.. Моя дочь не такая... Моя Дунюшка вылитая жена покойница... Помнишь, сват?.. Ну что! Роптать грех. *(Утирая слезы.)* Годков тридцать пожил! и за то должен бога благодарить. Да как пожил! Тридцать лет слова неласкового друг от друга не слышали! Она, голубка, бывало, куда придет, там и радость. Вот и Дуня такая же: пусти ее к лютым зверям, и те ее не тронут. Ты на нее посмотри: у нее в глазах-то только любовь да кротость. Она будет любить всякого мужа, надо найти ей такого, чтоб ее-то любил да мог бы понять, что это за душа... душа у ней русская.

Бородкин. Я, Максим Федотыч, это очень могу понимать-с.

Русаков. Что ж, Иванушка, я тебя обманывать не стану: ты мне нравишься, ты парень хороший; лучше тебя у нас в городе нет. Заходи ужотка, да скажи матери, чтоб побывала, я с ней поговорю.

Мальчик приносит бутылку вина.

Бородкин. Первым долгом почту передать это своей родительнице-с.

Маломальский. Ну, так по рукам... что ль... а?.. А вот теперь, сват, давайте... вобще... все выпьем. *(Пьют.)*

Русаков *(встает)*. Ну, прощай, сват.

Маломальский. Погоди!

Русаков. Некогда! Дома обедать ждут.

Маломальский. Нет, постой... я тебе расскажу историю... Слышь ты... остановились у меня проезжие... только, примерно, напились... и какой же маскарад сделали!

Русаков. Ну тебя с маскарадом! Прощай!

Бородкин. Я вот сбегая в лавку, заверну домой-с. Да и к вам-с.

Уходят.

Явление четвертое

Маломальский один, потом Анна Антоновна.

Маломальский (*допивает, стучит по столу и кричит*). Эй, молодцы!.. Прибирай всё, слышь ты, прибирай... (*Стучит.*)

Анна Антоновна (*входит*). Необразованность ты моя! Что ты шумишь-то?.. Мужик, мужик!..

Маломальский. Жена, молчи! дело сделали... теперь гуляй!..

Анна Антоновна. Стен-то бы ты постыдился, что ты орешь-то?..

Приходит половой, собирает со стола, уносит поднос и опять возвращается.

Маломальский. Жена! Поди сюда... дело сделали...

Анна Антоновна. Необразованность!

Маломальский. Веди меня... я спать хочу... (*Жена берет его за руку и ведет.*) Постой, поцелуй меня!..

Анна Антоновна. Пойдем, пойдем, беспутный.

Уходят. Входят Баранчевский и Вихорев.

Явление пятое

Половой, Баранчевский и Вихорев.

Вихорев. Вот как это случилось. Я услышал, что у Русакова много денег; ну, и приехал сюда из деревни нарочно; думаю, рискну! Уж либо пан, либо пропал... Отрекомендовался ему, познакомились; а с ней-то я познакомился через хозяйку здешнюю, Анну Антоновну. Авдотья Максимовна к ней ходит иногда. Ну, знаешь, поразговорились, то да се, а тут уж долго ли влюбиться.

Баранчевский. Что толковать!..

Вихорев. Дело в том, Баранчевский, что мне нужны деньги. Состояние, которое у меня было когда-то, давно прожито, имение расстроено. Мой друг! мне жить нечем, мне не с чем в Москву приехать, а я там много должен. Мне нужно жениться на богатой во что бы то ни стало; это единственное средство.

Баранчевский. Женись на Русаковой. Чего ж тебе лучше? К тому же она в тебя влюблена.

Вихорев. Влюблена-то она влюблена, да что скажет отец. А что, Баранчевский, много у него денег?..

Баранчевский. Полмиллиона, наверно.

Вихорев. Нет, ты не шутишь?

Баранчевский. Что за шутки! Непременно есть полмиллиона, если не больше. *(Смотрит на часы.)* Торопиться-то мне некуда; давай выпьем маленькую.

Вихорев. Изволь.

Баранчевский *(половому)*. Бутылку шампанского! *(Садятся.)*

Вихорев. Нет, послушай, Баранчевский, неужели в самом деле у Максима Федотыча полмиллиона?

Баранчевский. Что ж тут мудреного! У нас много богатых купцов. Я сам взял за женой полтора ста тысяч.

Вихорев. Ты?.. Нет, уж это, брат, шутки!.. Я этому не поверю.

Баранчевский. Не верь, пожалуй; а я вот имение купил, премиленькое, верстах в семи от города, душ 200, дом отделал великолепным образом.

Вихорев. Баранчевский! Да ты великий человек! Счастливчик просто! А мне так вот нет счастья. Я было в Москве тоже присватался за одну –

куш порядочный; влюбилась, сдуру, ужас как, просто средств нет никаких, да не отдадут ни за какие благополучия. Я так, сяк, увезти хотел, да с ней-то не столкнешь – дура ужаснейшая! Дура a la lettre, mon cher,^[1] такое несчастье!

Баранчевский. Одно, брат, неприятно, уж сейчас заметно, что из купчих.

Вихорев. Что за важность! Стоит об этом разговаривать! Послушай, Баранчевский, будь друг, ты мне помоги!

Баранчевский. Еще бы не помочь!

Вихорев. Ведь этот народ не понимает самой простой истины... Что такое деньги?.. Ни больше ни меньше как средство жить порядочно, в свое удовольствие. А они стараются как можно больше копить и как можно меньше проживать; а уж доказано всеми науками, что это вредно... для торговли... и для целого общества.

Баранчевский. Так, так, душа моя, так!

Вихорев. Вот видишь, если бы у тебя не было денег, ты бы не спросил бутылки шампанского, а этим поддерживается торговля.

Баранчевский утвердительно кивает головой.

Следовательно, если мы, люди образованные и со вкусом, но без средств, женимся на богатых и таким образом даем, знаешь, некоторое движение... можно ли нас за это упрекнуть?

Баранчевский. Никоим образом!

Вихорев. А ведь есть такие философы, которые осуждают это!..

Баранчевский. Осуждай, пожалуй!..

Вихорев. Теперь ты возьми в расчет мой меланхолический характер: мне и так все кажется в черном цвете, а во время безденежья... ты себе и вообразить не можешь... При деньгах я совсем другой человек: я делаюсь весел, развязен, могу заняться делом... Нет, Андрюша, в самом деле!.. Особенно в последнее время, обстоятельства были очень плохи, такая, братец, тоска нашла, хандрить начал. Seriously я говорю, помоги, Баранчевский.

Баранчевский. Изволь, изволь!..

Вихорев. А вот, во-первых, есть у тебя экипаж хороший?

Баранчевский. Лучший в городе.

Вихорев. Ты мне одолжи его к ним съездить.

Баранчевский. С удовольствием, мой друг! (*Встают и ходят по сцене.*) Что ж вина не дают?..

Вихорев (ухватывая его за талию). Так-то, Андрюша!.. вот дела-то!.. Привел бог свидеться!.. Однако ты потолстел.

Половой приносит бутылку и два стакана, ставит стаканы на стол и откупоривает.

Вихорев. Без грома, братец, без грома; я этого терпеть не могу.

Садятся к столу. Половой наливает им стаканы и отходит к стороне. Пьют молча.

Что это у вас за шум был?..

Половой. Хозяин загулял-с.

Вихорев. Что ж, это с ним часто бывает?

Половой. Со временем бывает-с. Со знакомыми сидели; Максимыч Федотыч был-с, Бородкин.

Вихорев. И Максим Федотыч был?

Половой. Был-с. Они дочку просватали-с.

Вихорев. Что за вздор!.. Ты, братец, врешь! За кого?

Половой. За Бородкина-с.

Вихорев. Это пустяки, этого быть не может. Послушай, мой друг, вот это несчастье!.. вот что называется несчастье!.. *(Вскакивает.)* Это, наконец, чорт знает что такое... Понимаешь ли ты, я за этим ехал сюда!.. Согласись, Баранчевский, что ведь это ужасно досадно!.. Кто этот Бородкин?..

Половой. Здешний купец-с.

Вихорев. Что, он богат, хорош собою, образован?..

Половой. Как есть из русских-с.

Вихорев. Родство, что ли, у него богатое?

Половой. Какое родство-с! Нашему слесарю двоюродный кузнец!

Вихорев. Так она за него не пойдет ни за что! Я говорю тебе, Баранчевский, что она влюблена в меня; не стану же я тебя обманывать. Или, может быть, у вас тут обычай выдавать насильно. Ведь кто вас знает. Заедешь в такую глушь!.. Это чорт знает как досадно.

Половой. Одна необразованность; по необразованию все делается.

Баранчевский. Ну, из чего ты так горячишься?

Вихорев. Да, вот ты тут устроился, так тебе и хорошо: тебе тепло здесь с богатой-то женой, а я чем виноват! Ты представь мое-то положение... *(Ходит по комнате.)* Однако, что ж мне теперь делать?

Баранчевский. Вот что делать: поедem ко мне обедать, я тебя с женой

познакомлю, а вечером возьми моих лошадей да и поезжай к Русакову, объяснись с ним поумнее, может быть, еще это все вздор.

Вихорев. Ну, так едем. Допивай.

Анна Антоновна входит.

Явление шестое

Те же и Анна Антоновна.

Анна Антоновна. Виктор Аркадьич, Виктор Аркадьич!

Вихорев (*подходя к ней.*) Что вам угодно?

Анна Антоновна. Ваш предмет у меня теперь сидит; она собирается домой, так вы погодите, я ее здесь проведу.

Вихорев. Благодарю вас.

Анна Антоновна. Амур! (*Уходит.*)

Вихорев (*поправляется перед зеркалом.*) Ты поезжай да пришли за мной лошадей; я сейчас приеду. (*Половому.*) А ты пошел вон.

Баранчевский. Ну, прощай, я тебя жду. (*Уходит.*)

Явление седьмое

Вихорев (*один.*) Если этот Максим Федотыч не согласится, так я ее увезу; нечего и разговаривать!.. Будет, помаялся, надобно чем-нибудь кончить. Что ж, мне в ремесленники, что ли, итти?.. Нет, как у меня деньги-то в кармане, так мне что хочешь пой, я никого и слушать не хочу.

Входят Авдотья Максимовна и Анна Антоновна.

Явление восьмое

Вихорев, Авдотья Максимовна и Анна Антоновна.

Вихорев. Какая нечаянность! (*Раскланивается.*)

Авдотья Максимовна кланяется ему.

Анна Антоновна (*тихо Вихореву.*) Поговорите, полюбезничайте, а я посмотрю, не взошел бы кто.

Вихорев. Я должен с вами проститься, Авдотья Максимовна!..

Авдотья Максимовна стоит в недоумении.

Я еду отсюда.

Авдотья Максимовна. Зачем же вы едете, Виктор Аркадьич?

Вихорев. А зачем мне оставаться, Авдотья Максимовна?.. Я слышал, вы выходите замуж.

Авдотья Максимовна. Это неправда, Виктор Аркадьич, это вас обманули – это только хотят нас расстроить. И кому это только нужно!

Вихорев. Помилуйте, нынче утром Максим Федотыч дал слово какому-то Бородкину. Согласитесь сами, после этого что же мне здесь делать!

Авдотья Максимовна. Ах, боже мой! Тятенька мне ничего не говорил об этом. Я не пойду за Бородкина, Виктор Аркадьич, вы не беспокойтесь, пожалуйста.

Вихорев. Вам тятенька прикажет итти.

Авдотья Максимовна. Ах, нет, тятенька меня любит. Я скажу ему, что не люблю Бородкина; он насильно не заставит...

Вихорев. А как он этого не послушает, что тогда?

Авдотья Максимовна. Я уж, право, не знаю, что мне делать с этим делом, такая-то напасть на меня!

Вихорев. Хотите, я научу вас, что делать?

Авдотья Максимовна. Научите.

Вихорев. Уедемте потихоньку, да и обвенчаемся.

Авдотья Максимовна. Ах, нет, нет! – что вы это, ни за что на свете!.. Ни-ни, ни за какие сокровища!..

Вихорев. Тятенька вас любит, он простит. Мы к нему сейчас приедем после свадьбы, знаете, по русскому обыкновению, ему в ноги... Ну, старик и того...

Авдотья Максимовна. Да и не говорите!.. Он проклянет меня!.. Каково мне тогда будет жить на белом свете! До самой смерти у меня будет камень на сердце.

Вихорев. Ну, извините, я другого средства не знаю.

Авдотья Максимовна. Вы лучше вот что сделайте, Виктор Аркадьич: приезжайте к нам нынче вечером, да и поговорите с тятенькой, а я сама его тоже попрошу; хоть и стыдно будет, да уж переломлю себя.

Вихорев. А ну, как он откажет мне?

Авдотья Максимовна. Что ж делать!.. Знать, моя такая судьба несчастная. Вчера тетенька на картах гадала, что-то все дурно выходило, я уж немало плакала. *(Подносит платок к глазам.)*

Вихорев. Послушайте, коли вы меня так любите, так вы уговорите Максима Федотыча, он вас послушает. Тогда мы оба будем счастливы!

Авдотья Максимовна. Вы-то меня любите ли так, Виктор Аркадьич, как я вас люблю?..

Вихорев. Какое же может быть сомнение! Если вы не будете моей, я сейчас же уеду на Кавказ и буду нарочно стараться, чтобы меня поскорее застрелили. Вы знаете, как черкесы хорошо стреляют.

Авдотья Максимовна. Что это вы, Виктор Аркадьич, какие страсти говорите! Нет, не ездите. Приезжайте уж к нам.

Вихорев. Непременно приеду.

Авдотья Максимовна. Прощайте, мне пора.

Вихорев берет ее за руку и хочет обнять.

Нет, мне стыдно, ей-богу, стыдно!..

Вихорев *(в сторону).* Вот нежности! *(Ей.)* Что за стыд, когда любите. *(Целует ее.)*

Авдотья Максимовна. Вы будете после смеяться.

Вихорев. За кого же вы меня принимаете? Смею ли я!

Авдотья Максимовна. Нет, мне, право, стыдно. *(Обнимает и целует его сама, закрывает лицо и отходит.)* Прощайте, приезжайте уж.

Вихорев. Непременно приеду.

Авдотья Максимовна подходит к Анне Антоновне и, шепнув ей что-то, уходит.

Анна Антоновна (*в дверях, грозя пальцем*). Амур! (*Уходит.*)

Явление девятое

Вихорев (*один*). А она даже очень недурна и, как кажется, такая простенькая девушка. А уж как влюблена, ужас! Тысяч сто взять к ней в придачу, да и довольно. Конечно, с такой женой нельзя в столицу показаться, а в уезде ничего, жили бы припеваючи. (*Уходит.*)

Действие второе

Небольшая комната в доме Русакова; на обеих боковых стенах по окну и по двери, на задней стене дверь; два стола, один с правой стороны, другой с левой, почти у самой двери; за столом диван; на окнах цветы и на одном гитара.

Явление первое

Авдотья Максимовна сидит у окна. Арина Федотовна сидит у окна на диване, шьет.

Авдотья Максимовна (смотря в окно, поет русскую песню, потом обращается к Арине Федотовне).

Научить ли те, Ванюша,
Научить ли те, Ванюша,
Как ко мне ходить.
Ты не улицей ходи,
Ты не улицей ходи,
Переулочком.
Ты не голосом кричи,
Ты не голосом кричи,
Соловьем свищи.
Чтобы я, млада-младенька,
Чтобы я, млада-младенька,
Догадалася.

Что это со мной, тетенька, за чудо сделалось! Я надивиться не могу, как полюбила я Виктора Аркадьича!.. И надо же было этому делу сделаться!.. Беда, да и только...

Арина Федотовна. Никакой тут беды нет, все так и быть должно!..

Авдотья Максимовна. Как же, тетенька, не беда? Просто моя погибель это. Тятенька давеча, как пришла я от Анны Антоновны, говорил, чтоб я шла за Бородкина. Ни тятеньку мне огорчить не захочется, да и с сердцем-то я не совладаю.

Арина Федотовна. Была оказия итти за Бородкина!

Авдотья Максимовна. Вот нынче хотел Виктор Аркадьич приехать поговорить с тятенькой. Что-то будет!.. Хоть бы уж поскорее он приехал; по крайней мере, я бы уж знала, а то как тень какая хожу, ног под собой не слышу. Только чувствует мое сердце, что ничего из этого хорошего не выйдет. Уж я знаю, что много мне, бедной, тут слез пролить.

Арина Федотовна. Плачь, пожалуй, коли тебе хочется. А по мне –

сказала отцу, что не хочу, мол, за Бородкина итти, да и конец.

Авдотья Максимовна. Нет, тетенька, не могу я этого сделать, не мой это характер. Как я ему скажу? Ему и в голову-то не приходит, чтоб я смела не послушать его. *(Взглянув в окно.)* Ну, идет. И без него-то уж мне тошнехонько, не глядели б глаза ни на что! *(Встает.)*

Арина Федотовна. Кто идет?

Авдотья Максимовна. Иван Петрович!.. *(Уходит.)*

Бородкин *входит.*

Явление второе

Арина Федотовна и Бородкин.

Бородкин. Наше вам почтение-с. Как ваше здоровье-с?

Арина Федотовна. Полно ты рядские-то учтивости разводить, слышали мы это.

Бородкин. Как не слышать-с. *(Садится.)*

Арина Федотовна. Ты с чего это вздумал за Дунюшку-то свататься!

Бородкин. Да вам-то какое теперича до этого дело?

Арина Федотовна. Неприятно для меня это видеть. Ну, какая ты ей пара? Какой ты кавалер? И с бородой, и необразованный?

Бородкин. Опять-таки это не ваше дело. Нешто я за вами...

Арина Федотовна. Да смел ли бы ты это подумать? Я в Москве воспитывалась, там видала людей-то не тебе чета.

Бородкин. А я так думаю, что люди всё одне-с.

Арина Федотовна. Вот то-то и есть, что разница. Есть необразованные, вот как ты, а то есть люди с понятием.

Бородкин. Хоть бы посмотреть когда на таких-то. Что ж вы там замуж не шли?

Арина Федотовна. А оттого, что не хочу, чтоб надо мной мужчина командовал. Все они невежи и очень много о себе думают. Да и опять это не твое дело.

Бородкин. Нет-с, я так. Жалко только со стороны смотреть, что, при вашем таком образовании, на вас никто не прельщается.

Арина Федотовна. Невежа, смеешь ли ты так с дамой разговаривать?

Бородкин. Да что с вами разговаривать! Разговаривать-то с вами нечего, потому что вы не дело толкуете... все равно, что воду толочь. *(Берет гитару и настраивает.)* Я буду разговаривать с Максимом Федотычем.

Арина Федотовна. Разговаривай, пожалуй, да ничего толку не будет, потому что лезешь ты, мой друг, сдуру, куда не следует. *(Оставляет шитье, берет карты и раскладывает.)*

Бородкин. Хоша бы и так, все это наше дело... Вас не спросим. *(Берет несколько аккордов и поет вполголоса русские мотивы.)*

Арина Федотовна. Ну, что ты поешь?.. Есть ли тут склад какой-нибудь! Как есть деревня!

Бородкин. Спойте вы, коли лучше знаете. *(Подает ей гитару.)*

Арина Федотовна. Да уж, конечно, не стану ваших мужицких песен петь. *(Поет с чувством романс.)*

Бородкин. Это что ж такое-с?

Арина Федотовна. Что? Известно что – романс. *(Задумывается.)* У нас, Ваня, как жила я в Москве, был приказчик Вася, это он меня выучил. Только как он пел, это прелести слушать. *(Опять раскладывает карты, потом быстро смешивает их и задумывается.)*

Бородкин. Скоро придет Максим Федотыч?

Арина Федотовна. Ах, отстань ты от меня, почем я знаю.

Входит Авдотья Максимовна.

Явление третье

Те же и Авдотья Максимовна.

Бородкин (*быстро вскакивает.*) Наше вам почтение, Авдотья Максимовна.

Авдотья Максимовна. Здравствуйте, Иван Петрович. Здорова ли ваша маменька?

Бородкин. Слава богу, покорно вас благодарю. Ваше как здоровье-с?

Авдотья Максимовна. Понемножку. Вы тятеньку дожидаетесь?

Бородкин. Тятеньку-с.

Авдотья Максимовна. Он скоро придет, подождите.

Бородкин. Подождем-с. (*Садится на стул.*)

Авдотья Максимовна. А я, тетенька, к вам погадать пришла. Загадайте мне на трефового короля.

Бородкин. Кто же это трефовый король-с?

Арина Федотовна (*раскладывая карты*) – Уж, конечно, не ты. Ты думаешь, что только у нас и свету, что ты... (*После молчания.*) Вот, Дуня, смотри!.. Он тебя любит. Вот видишь... (*Показывает на карты и шепчет Авдотье Максимовне.*)

Бородкин. Загадайте мне-с.

Арина Федотовна (*гадает*). Ну, брат, не дожидайся ничего. Слезы тебе выходят...

Бородкин. Что ж такое-с, плакать-то нам не впервой-с; радости-то мало видали-с!

Авдотья Максимовна. Вы давеча говорили что-нибудь с тятенькой?

Бородкин. Насчет чего-с?

Авдотья Максимовна. Вы говорили, так сами знаете, насчет чего.

Бородкин. У нас вообще был разговор, втроем-с – и Селиверст Потапыч тут был-с.

Арина Федотовна. Ты полно сиротой-то притворяться; мы уж слышали.

Авдотья Максимовна. Как же это вам, Иван Петрович, не совестно: не сказавши мне ни слова, да прямо тятеньке!

Арина Федотовна. Захотела ты от мужика совести!

Бородкин. Да вы что ж такое, в самом деле!.. Все мужик да мужик!..

Арина Федотовна. Он братцу Лазаря поет да штуки разные подводит,

а тот ему и верит.

Бородкин. Полноте обижать-то, Арина Федотовна, мы на этикие дела не пойдем-с. Эх, Авдотья Максимовна, вспомните-с! Было времячко-с, да, должно быть, прошло-с! Должно быть, лучше нас нашли-с.

Арина Федотовна. Да уж, разумеется, лучше вас. Ишь ты, какой красавец! Думаешь, что уж лучше тебя и на свете нет.

Бородкин. Были и мы хороши-с.

Арина Федотовна. Пойтить велеть самоварчик поставить, братец придет, чтоб готово было. (*Уходит.*)

Явление четвертое

Авдотья Максимовна и Бородкин.

Бородкин. Эх, Авдотья Максимовна, грех вам! Вспомните: бывало, осенние темные вечера вдвоем просиживали, вот у этого окошечка. Бывало, в сениях встретимся, в сумеречках, так не наговоримся; долго нейду, так, накинувши шубку-то на плечики, у калитки дожидались. Был я и Ванечка, и дружок, а теперь не хорош стал.

Авдотья Максимовна (*оглядывается кругом, тихо*). Да ты, Ваня, не сердись! Я тебе все расскажу, ты сам рассудишь. За меня теперь сватается благородный. Какой красавец собой-то, какой умный. Любила я тебя, ты знаешь, а уж как его полюбила, я и не знаю, как это словами сказать. Увидала я его у Анны Антоновны, на прошлой неделе... Сидим это мы с ней, пьем чай, вдруг он входит... как увидела я этакого красавца, так у меня сердце и упало; ну, думаю, быть беде. А он, как нарочно, такой ласковый, такие речи говорит.

Бородкин. Знаем мы эти речи-то. Оне хороши, пока вы их слушаете. Бывало, сидишь в лавке, вечера-то ждешь не дождешься, вся душа изомрет, и то и другое передумаешь, что тебе сказать-то, а как придешь, и слова не выговоришь. А скажется слово, так от сердца, что душа чувствует; а у них речи ученые – говорят одно, а думают другое. Видимое дело, что ему твои деньги нужны; нешто б он не нашел невесту помимо тебя.

Авдотья Максимовна. Нет, Ваня, не говори этого, он меня любит.

Бородкин. А нешто я-то тебя, Дуня, не люблю?

Авдотья Максимовна. Что же мне делать-то! На грех я его увидела! Так вот с тех пор из ума нейдет, и во сне все его вижу. Словно я к нему привороженная какая. (*Сидит задумавшись*.) И нет мне никакой радости!.. Прежде я веселилась, девка, как птичка порхала, а теперь сижу вот, как к смерти приговоренная, не веселит меня ничто, не глядела б я ни на кого. Уж и что я, бедная, в эти дни слез пролила!.. Ведь надо ж быть такой беде!..

Бородкин. Ты, может, думаешь, что мне легче тебя!.. Тебе, горе, а мне вдвое.

Авдотья Максимовна. Женись, Ваня, на Груше, она мне ровесница и подруга, а уж со мной пусть будет, что бог велит.

Бородкин. Что мне жениться-то!.. на что?.. Чужой век заедать? Я уж любить ее не буду.

Авдотья Максимовна. Вот я тебе, Ваня, все сказала, что только сердце мое чувствовало... Не захотела я тебя обмануть.

Бородкин. Эх! загубила ты мою молодость!.. *(Плачет, отворотившись к окну, потом берет гитару и поет).*

Вспомни, вспомни, моя любезная,
Нашу прежнюю любовь,
Как мы с тобой, моя любезная,
Погуливали,
Осенние, темные ночи
Просиживали.
Забавные, тайные речи
Говаривали –
Тебе, мой друг, мой друг,
Не жениться,
А мне, молодой, замуж
Нейти.

Авдотья Максимовна. Не пой ты, не терзай мою душу!

Бородкин перестает играть, она подходит к нему.

Бородкин *(ударяя себя в грудь, обнимает ее и крепко целует).* Помни, Дуня, как любил тебя Ваня Бородкин.

*Она садится на диван, а он ходит по комнате. Входят **Русаков** и **Арина Федотовна**.*

Явление пятое

Те же, Русаков и Арина Федотовна.

Русаков (*раздевается, ему помогают дочь и сестра*). Старость-то что значит! Устал! Вот далеко ли сходил, устал... Право, так. Что, Иванушка, не весел?..

Бородкин. Маленько сгрустнулось что-то.

Русаков. Об чем тебе грустить-то, паренек, паренек!.. Что бога-то гневить! Дунюшка, поди-ка сюда. (*Гладит по голове и целует.*) Вот какова у меня дочка-то! Невеста! Замуж пора отдавать. А и жаль: радость-то, Иванушка, у меня только одна. Что есть, детушки, лучше того на свете, как жить всем вместе да в радости! Нет больше счастья на земле, как жить своей семьей в мире да в благочестии – и самому весело, и люди на тебя будут радоваться. А врагу рода человеческого это досада немалая; он тебя будет всяким соблазном соблазнять, всяким прельщением. Поддался ты ему, ну и пошла брань да нелюбовь в семье, и еще того хуже бывает. Не поддался, ну и он бежит далеко, потому ему смерть смотреть на честное житье. Какие бывают дела, Иванушка! Поживешь-то, всего насмотришься. Дети ли не почитают родителей, жены ли живут с мужьями неладно – все это дело вражье. Всякий час от него берегись! Эхе-хе! Недаром пословица говорится: не бойся смерти, а бойся греха. (*Молчание.*) Одна у меня теперь забота, как бы мне Дунюшку пристроить. Полюбовался б на тебя, мое дитятко, внучат бы понянчил, коли бог приведет... Ну, а там уж что, чего мне ждать, умер бы покойно; по крайности бы знал, что есть кому душу помянуть, добрым словом вспомнить. Пойдем-ка, Иванушка, мне с тобой поговорить нужно.

Уходят.

Явление шестое

Авдотья Максимовна и Арина Федотовна.

Авдотья Максимовна. Что мне делать, тетенька?

Арина Федотовна. Неужели ж за Бородкина итти! Что ты говоришь!.. Виктор Аркадьич все-таки человек... а это что? мразь какая-то!

Авдотья Максимовна. А знаете, тетенька, я как-то боюсь Виктора Аркадьича.

Арина Федотовна. То-то вот, матушка, деревня-то что значит! Жила ты все в этом городишке и людей-то не видывала.

Авдотья Максимовна. Он давеча мне говорит, что коли тятенька не согласится, так он меня потихоньку увезет. Я, тетенька, так испугалась, насили до дому добежала.

Арина Федотовна. Есть чего пугаться, скажите, пожалуйста! Ах, Дунюшка, как это интересно, кабы ты знала! Коли мужчина хочет увезти, уж значит, что любит, пойми ты это.

Авдотья Максимовна. А тятенька-то?.. Что я тогда с ним, с стариком, сделаю!

Арина Федотовна. Что тятенька-то! Тятенька твой еще ему должен быть благодарен. Где он тебе такого жениха найдет! Чтой-то ты, матушка, совсем деревенская. Нет, я смолоду поудалей была.

Авдотья Максимовна (*смотрит в окно*). Тетенька, голубушка, едет! Бегите к тятеньке, скажите ему, а я пойду посижу у себя в комнате. Вот когда смерть-то моя! (*Уходит.*)

Арина Федотовна (*подходя к двери*). Братец! братец! пожалуйста сюда; к вам гость приехал.

Русаков за сценой: «Кто там еще? Сейчас». Вихорев входит.

Явление седьмое

Арина Федотовна и Вихорев.

Вихорев. Здравствуйте, Арина Федотовна! Максим Федотыч дома?

Арина Федотовна. Дома-с, сейчас выйдет. (*Уходит.*)

Явление восьмое

Вихорев (*один*). Ну, борода, поговорим теперь с тобой! С которой бы стороны к нему подъехать?.. Мудрен ведь этот народ! Решительно не знаю... ну, да уж пущусь на счастье, куда кривая не вынесет. Нет ничего хуже, как с мужиками разговаривать. Еще обругает, того гляди. Ну, да уж нечего делать, амбицию-то пока в сторону отложим. Вот крайность-то до чего доводит нашего брата!..

Входят Русаков и Бородкин.

Явление девятое

Вихорев, Русаков и Бородин.

Русаков. Прощай, Иванушка, заходи ужо, теперь мне некогда.

Бородин. Прощайте, Максим Федотыч, желаю вам быть здоровым.
(Уходит.)

Вихорев (подходит к Максиму Федотычу). Здравствуйте, почтеннейший Максим Федотыч, как вы поживаете?

Русаков. Слава богу, живем, пока бог грехам терпит. Просим милости садиться...

Вихорев. Сделайте одолжение, не беспокойтесь. (Садится.)

Русаков. Сестрица, велите нам чайку подать.

Вихорев. Не для меня ли вы это, Максим Федотыч, беспокоитесь? Я уже пил, уверяю вас.

Русаков. Нельзя же, батюшка, без этого.

Вихорев. Впрочем, сколько я заметил, уж такой обычай у русского народа – потчевать. Я, знаете ли, сам человек русский и, признаться сказать, люблю и уважаю все русское; особенно мне нравится это гостеприимство, радушие...

Русаков. Не знаю, батюшка, как сказать. Что ж, худого тут нет ничего.

Входит девка с подносом чаю.

Русаков. Просим покорно. (Берут и пьют молча.)

Вихорев. Скажите, сделайте одолжение, Максим Федотыч, бывали вы в столицах?

Русаков. Как, батюшка, не бывать, в Москву по делам ездая.

Вихорев. Не правда ли, там жизнь совсем другая: больше образованности, больше развлечения. Я думаю, посмотревши на столичную жизнь, довольно скучно жить в уездном городе.

Русаков. Не всем же жить в столицах, надобно кому-нибудь жить и в уездном городе.

Вихорев. Я с вами согласен; но, Впрочем, Максим Федотыч, вы ведь не такой купец, как прочие уездные купцы: вы составляете некоторым образом исключение. Но что же я говорю! Вы сами это очень хорошо знаете. Я думаю, вы с вашим капиталом были бы и в Москве одним из первых.

Русаков. Как знать чужой капитал!.. Нет, мне и здесь хорошо.

Вихорев. Я понимаю, что вам здесь хорошо: вы здесь родились, привыкли, вам весь город знаком – конечно, привычка много значит; но у вас есть дочь.

Русаков. Так что ж что дочь?

Вихорев. Вы, вероятно, захотите ей дать некоторое образование, показать ей людей... наконец, найти хорошую партию. А где вы это здесь найдете?

Русаков. Да что ж, разве здесь звери живут?.. чай, тоже люди.

Вихорев. Да разве здесь вас могут оценить, Максим Федотыч, разве могут! что вы говорите!

Русаков. Да что нас ценить-то! Нам этого не нужно. Ну их совсем и с оценкой-то! Был бы сам по себе хорош, а то про меня что хошь говори.

Вихорев. Нет, скажите: разве есть здесь женихи для Авдотьи Максимовны? Разве есть? Где это? Покажите мне их! Кто посмеет за нее посвататься из здешних? В вас мало самолюбия – и это напрасно, Максим Федотыч: в человеке с такими достоинствами и с такими средствами оно весьма извинительно... Я вам говорю безо всякой лести, я горжусь вашим знакомством... Я много ездил по России, но такого семейства, как ваше, я не встречал нигде до сих пор,

Русаков. Благодарим покорно.

Вихорев. Нет, в самом деле. Много есть купцов, да все в них нет того, что я вижу в вас – этой патриархальности... Знаете ли что, Максим Федотыч?.. Ваша доброта, ваше простодушие, наконец ваш ум дают мне смелость говорить с вами откровенно... Я надеюсь, что вы на меня не обидитесь?

Русаков. Что вам, батюшка, угодно?..

Вихорев. Ох, Максим Федотыч, страшно! Но, во всяком случае, так ли, не так ли, я надеюсь, что мы останемся друзьями. *(Подает ему руку, тот кланяется. Вихорев подвигается к нему.)* Влюблен, Максим Федотыч, влюблен... в Авдотью Максимовну влюблен. Я бы свозил ее в Москву, показал бы ей общество, разные удовольствия... у меня есть имение не очень далеко отсюда. Я думаю, что, выйдя за меня, она нисколько себя не уронит... А главное, мне хочется породниться с вами, Максим Федотыч... Ну, и чин у меня...

Русаков. Полноте, ваше благородие, мы люди простые, едим пряники неписанные, где нам! Ведь нас только за карман и уважают.

Вихорев. Полноте, Максим Федотыч! Что за идея!

Русаков. Право, так. А то за что нас любить-то?

Вихорев. За добрую душу.

Русаков. Так ли, полно?

Вихорев. Я не понимаю, Максим Федотыч: у нас какой-то странный разговор происходит.

Русаков. Не дело вы говорите. Вы люди благородные, ищите себе барышень... воспитанных, а уж наших-то дур оставьте нам, мы своим-то найдем женихов каких-нибудь дешевеньких.

Вихорев. Однако неужели же вы своей дочери не желаете добра, что не хотите отдать ее за человека благородного и притом такого, который ее любит?

Русаков. Оттого-то и не отдам, что желаю добра; а вы как думали? Я худа, что ль, ей желаю? Ну какая она барыня, посудите, отец: жила здесь в четырех стенах, свету не видала. А купцу-то она будет жена хорошая, будет хозяйничать да детей нянчить.

Вихорев. Но, Максим Федотыч, я ее люблю.

Русаков. Эх! *(Махнув рукой, отворачивается.)*

Вихорев. Я вас уверяю, что я люблю Авдотью Максимовну до безумия.

Русаков. Не поверю я вам.

Вихорев. Как не поверите?

Русаков. Так, не поверю, да и все тут.

Вихорев. Да как же вы не поверите, когда я вам даю честное слово благородного человека?

Русаков. Не за что вам ее любить! Она девушка простая, невоспитанная и совсем вам не пара. У вас есть родные, знакомые, все будут смеяться над ней, как над дурой, да и вам-то она опротивеет хуже горькой полыни... так отдам я свою дочь на такую каторгу!.. Да накажи меня бог!..

Вихорев. Я вам говорю, что со мной она будет счастлива, я за это ручаюсь.

Русаков. Нечего нам об этом разговаривать – это дело несбыточное. Поищите себе другую, я свою не отдам.

Вихорев. Я вам только одно могу на это сказать, что вы меня делаете несчастным человеком. *(Встает.)* Извините, что я вас беспокоил. У вас, вероятно, есть кто-нибудь на примете, иначе я не могу предположить, чтобы вы, любя свою дочь и желая ей счастья, отказали мне. И мне кажется, если б вы меня покороче узнали... но таков уж, видно, русский человек – ему только бы поставить на своем; из одного упрямства он не подорожит счастьем дочери...

Русаков. Тьфу ты, прах побери! Да я б с тебя ничего не взял слушать-то такие речи! Этакой обиды я родясь не слыхивал! *(Отворотись.)* Приедет, незванный, непрошенный, да еще и наругается над тобой! *(Идет.)* Провались ты совсем!

Явление десятое

Вихорев (*один*). Вот тебе раз! Ну есть ли какая возможность говорить с этим народом. Ломит свое – ни малейшей деликатности!.. Однако это чорт знает как обидно!

Входит Арина Федотовна; Авдотья Максимовна выглядывает из дверей.

Явление одиннадцатое

Вихорев, Арина Федотовна и Авдотья Максимовна.

Арина Федотовна. Виктор Аркадьич, как дела?

Вихорев. Помилуйте, с этим мужиком нельзя разговаривать; он чуть меня не прогнал.

Авдотья Максимовна *(выходя)*. Скажите мне, Виктор Аркадьич, правду, как перед богом: любите вы меня?

Вихорев. Я вас люблю, Авдотья Максимовна; но нас хотят разлучить.

Авдотья Максимовна. Я сейчас сама пойду к тятеньке. Поезжайте вы домой и не беспокойтесь. Он меня любит, он мне не откажет. Только каково мне просить его об этом, как бы вы знали! *(Садится и плачет.)*

Вихорев *(раскланиваясь)*. Как же вы мне дадите знать?

Арина Федотовна. Мы пойдем нынче в церковь.

Вихорев. Так я вас подожду подле вала, на мосту.

Арина Федотовна. Хорошо.

Вихорев. Прощайте. *(Раскланивается и уходит.)*

Явление двенадцатое

Те же и потом Русаков.

Арина Федотовна. Ну, Дунюшка, теперь от тебя самой зависит твое счастье.

Авдотья Максимовна. Ну уж, тетенька, что будет, то будет. Вот уж правду-то говорят, что любовь-то на свете мука.

Русаков (входя). Что, уехал этот барин-то?

Арина Федотовна. Уехал, братец.

Русаков. Ишь, его принесло, нужно очень.

Арина Федотовна. Я не знаю, братец, отчего он вам не понравился.

Русаков. Оттого, что дурак.

Арина Федотовна. Да чем же он, братец, дурак? Он образованный человек.

Русаков. А тем, что не умеет говорить с людьми постарше себя.

Арина Федотовна. Как, братец, кажется, ему не уметь: он человек столичный, жил в Москве все промежду благородными.

Русаков. Ну, и пусть туда едет.

Арина Федотовна. Ах, братец! Он такой образованный, такой политичный кавалер, что и в Москве-то на редкость, а уж здесь-то нам и никогда не найти.

Русаков. Поди ты с своим образованием! Много ты знаешь! Прожила пять лет в Таганке, да и думаешь, куда как образована! Что ты там видела? Кроме сидельцев да приказных, ты и людей-то не видала.

Арина Федотовна. Все-таки, братец...

Русаков. Все-таки, сестрица, не тебе меня учить... вот что!.. Ты что там надувшись сидишь! Дуня! Никак ты плачешь?.. О чем ты плачешь?..

Авдотья Максимовна. Я так, тятенька.

Русаков. Говори, об чем?

Авдотья Максимовна. Об себе. Об своем горе.

Русаков. Что за горе там у тебя? Откуда оно взялось?

Авдотья Максимовна. Тятенька, вы не будете сердиться?

Русаков. Говори! Не сержусь!..

Авдотья Максимовна. Тятенька! Я его люблю!

Русаков. Кого его? Ветрогона-то этого? Опомнись, полоумная!

Авдотья Максимовна. Я без него жить не могу. Умереть мне легче,

чем итти за другого.

Русаков. Что ты!.. что ты!.. Да ты подумай, что ты говоришь-то.

Авдотья Максимовна. Я уж думала, и дни думала, и ночи напролет думала, не смыкаяючи глаз. Без него мне не мил белый свет! Я от тоски да от слез в гроб сойду!

Арина Федотовна. Братец, пожалейте; у вас ведь одна дочь-то.

Русаков. Ты, сестра, молчи – это не твое дело. Дуня, не дури! Не печаль отца на старости лет. Выкинь блажь-то из головы. Отец лучше тебя знает, что делает. Ты думаешь, ему ты нужна? Ему деньги нужны, дура! Он тебя только обманывает, он выманит деньги-то, а тебя прогонит через неделю. У меня есть для тебя жених: Иван Петрович; уж я ему обещал.

Арина Федотовна. Легко ли!.. Уж вот партия! Променять такого кавалера на Бородкина.

Авдотья Максимовна *(заливаясь слезами)*. Не видала б уж я его лучше, чем так мучиться.

Русаков. Да что ж вы в самом деле, с ума, что ли, сошли! Да как вы смеее со мной так разговаривать? Ты еще, дура, тут своими разговорами девку с толку сбиваешь, из ума выводешь. От тебя-то вся и беда. Что у тебя, вместо головы-то, надето? Кабы не твоя болтовня, смела б она так с отцом разговаривать?

Арина Федотовна. Вот, братец, вы всегда...

Русаков. Молчи, пустоголовая!.. Вот тебе, Авдотья, мое последнее слово: или ты поди у меня за Бородкина, или я тебя и знать не хочу!

Авдотья Максимовна *(подымаясь со стула)*, Тятенька...

Русаков. Не подходи! Я тебя растил, я тебя берег пуще глазу. Что греха на душу принял... ведь гордость меня одолела с тобой, я не давал никому про своих детей слова выговорить, я думал, что уж лучше тебя и на свете нет. Наказал бог по грехам! Говорю тебе, Авдотья, иди за Бородкина. Не пойдешь, не будет тебе моего благословения. А чтоб я и не слыхал про этого проходимца! Я его и знать не хочу. Слышишь ты, не доводи меня до греха! *(Уходит.)*

Явление тринадцатое

Авдотья Максимовна и Арина Федотовна.

Авдотья Максимовна (*почти без памяти*). Тетенька! мне давеча было жаль Ваню, теперь он мне опостылел... опостылел... ах!.. (*Падает в обморок.*)

Арина Федотовна. Ах, батюшки!.. Ах, батюшки!.. Поди погляди, уморил дочь-то, уморил!.. Варвар этакой!.. Тиран!.. Воды подайте! Воды!..

Русаков входит.

Явление четырнадцатое

Арина Федотовна, Авдотья Максимовна и Русаков.

Русаков (вбегая). Где? Что? Господи! (Всплеснув руками.) Побелела как снег, хоть в гроб клади!.. Дунюшка! (Берет за руку.) Дунюшка! (Смотрит на нее.) Вот и мать такая же лежала в гробу – вот две капли воды. (Утирает слезы.) Господи! не попусти! Дуня! (С ужасом.) Очнется ли она, очнется ль?.. Нет! Ужли ж я ее убил?.. (Стоит подле в оцепенении.)

Девка приносит воду и уходит.

Арина Федотовна (брызгает водою на Дуню). Дунюшка! Дунюшка!.. Говорила я вам, братец, так не послушали.

Русаков. Ну, что она?.. Что, Дунюшка?..

Арина Федотовна. Тихонько, тихонько, очнулась, кажется.

Авдотья Максимовна (открывая глаза). Где тятенька?

Русаков. Здесь, дитятко, здесь. (Садится подле нее на диване.)

Авдотья Максимовна (прилегая к нему на грудь). Тятенька!..

Русаков. Что, Дунюшка, что?

Авдотья Максимовна. Я люблю его.

Русаков. Ах, Дунюшка, кабы я знал, что он степенный человек, да что он тебя любит, я б тебя сейчас за него отдал, и разговаривать бы не стал.

Авдотья Максимовна. Он меня любит.

Русаков. Ох, Дунюшка, не верится мне... Ну, да вот мы это узнаем. Дело-то простое. Я ему скажу, что за тобой ничего не дам; коли любит, пускай так берет. Коли любит, возьмет и так.

Авдотья Максимовна. Неужели он меня из-за денег любит?..

Арина Федотовна. Ах, братец, разве это можно вообразить, чтобы в таком мужчине не было никаких чувств; он совсем не такой интересан, как вы думаете.

Русаков. А вот посмотрим, что он скажет.

Арина Федотовна. Ну, уж, братец, я вас уверяю, что он человек самый благородный.

Авдотья Максимовна. Тятенька, да разве в богатстве счастье?.. Коли любишь человека, так никаких сокровищ не надо.

Русаков. Это ты, мое дитятко, так рассуждаешь, а у них-то другое на

уме; ну, да вот посмотрим.

Авдотья Максимовна (*целует отца*). Тятенька, голубчик, вы меня воскресили, а то уж я, право, думала, что умираю; да я б и умерла с горя, я уж это знаю. Тятенька, ведь мы хотели итти в церковь...

Русаков. Поди, Дунюшка, помолись, а мне нужно по делу сходить. Прощай! (*Целует ее и уходит.*)

Явление пятнадцатое

Те же без Русакова.

Авдотья Максимовна. Ах, тетенька, я все еще не могу оправиться.

Арина Федотовна. Ну, уж теперь не о чем тужить. На нашей улице праздник. Пойдем-ка скорей. Одевайся. То-то он, бедный, обрадуется, как услышит.

Уходят.

Действие третье

Сцена I

Небольшая комната на постоялом дворе. Темно.

Явление первое

Входят: Вихорев, Авдотья Максимовна и Степан со свечой. Авдотья Максимовна садится к столу. Вихорев ходит по комнате. Степан ставит свечу на стол.

Вихорев. Что это за народ! Ведь я тебе, дураку, приказывал, чтобы лошади были готовы.

Степан. Разве с ними сговоришь? Известное дело – мужики. Говорят: сейчас будет готово.

Вихорев. Ступай, да скажи, чтоб они у меня живей поворачивались, я этого не люблю.

Степан уходит.

Авдотья Максимовна. Куда вы меня завезли?

Вихорев. Мы теперь в Ямской слободе.

Авдотья Максимовна. Зачем же вы завезли меня сюда?

Вихорев. Затем, что я люблю тебя. Сейчас заложат лошадей, мы поедем к Баранчевскому в деревню, это всего семь верст от города, там и обвенчаемся, а завтра в город. *(Садится подле нее.)*

Авдотья Максимовна. Конечно, Виктор Аркадьич, я люблю вас и готова для вас сделать все на свете, да зачем же вы меня увезли насильно? Тятенька теперь меня хватится... и беда моя просто... Что он подумает?.. С какими глазами я к нему покажусь?..

Вихорев. Послушай, мой друг! Ты сама мне говорила, что Максим Федотыч согласен; так за что же он будет сердиться? Я тебе скажу откровенно, я тебя увез потому, что у меня был тут свой расчет. Я знаю, что старики упрямы; нынче он согласен, а завтра, пожалуй, заупрямится, как лошадь. Ну, что ж хорошего?.. А уж как дело-то сделано, так назад не воротишь.

Авдотья Максимовна. Виктор Аркадьич! я с вами и в огонь и в воду готова, только пустите меня к тятеньке; я еще теперь приду во-время. А вы

завтра приезжайте к нам.

Вихорев. Ни за что, душа моя! Нет, уж я так глуп не буду; уж я теперь с тобой не расстанусь, благо мне случай помог!

Авдотья Максимовна плачет.

Полно плакать-то, перестань! Так-то ты меня любишь!..

Авдотья Максимовна. Я вас люблю, видит бог, люблю!.. (*Привстает, обнимает и целует его.*) Голубчик, Виктор Аркадьич, что хотите со мной делайте, только пустите к тятеньке.

Вихорев. Полно, перестань! Это дело невозможное, об этом и говорить нечего. (*Встает и ходит по комнате, Авдотья Максимовна плачет.*) Что ж это лошадей не дают? Это ужасно!.. Ну, об чем ты плачешь, скажи?.. (*Напевает.*)

Ах, об чем ты проливаешь
Слезы горькие тайком
И украдкой утираешь
Их кисейным рукавом?..

Авдотья Максимовна. Вам, я вижу, Виктор Аркадьич, ничего меня не жалко.

Вихорев. Жалеть-то нечего: все это вздор и пустяки.

Авдотья Максимовна. А тятенька-то?..

Вихорев. Что ж тятенька! Посердится, да и перестанет, велика важность!.. Ты мне лучше расскажи, как ты его уговорила, вот это интересно знать. Давеча он на меня зарычал, как медведь!

Авдотья Максимовна. И сама не знаю, как у меня духу достало. Говорю ему прямо, что люблю вас, и не помню себя, и не знаю, как выговорила. Потом уж и не слышу, что он говорит; твержу только одно, что умру, что без вас жить не могу.

Вихорев. Вот любовь! вот любовь! Да я тебя расцелую за это. (*Целует ее.*)

Авдотья Максимовна (*тихо*). Любишь меня?..

Вихорев. Люблю, люблю!

Авдотья Максимовна. Ненаглядный ты мой! Радость, жизнь моя! Куда хочешь с тобой! Никого я теперь не боюсь и никого мне не жалко. Так бы вот улетела с тобой куда-нибудь. (*Обнявши его, смотрит ему в глаза.*)

Какой ты хорошенький! я таких и не видывала... точно нарисованный! *(Говорит с расстановкой.)* Знаешь, что! Давай жить здесь все вместе с тятенькой! Точно бы жила я, как в раю. А то уедешь далеко... тятеньки нет... скучно будет без него.

Вихорев. Ну, об этом после поговорим. Ты мне расскажи, как ты тятеньку-то уговорила!

Авдотья Максимовна. Ну, вот слушай: начал он меня бранить, так бранить, так бранить... Я в слезы... Иди, говорит, за Бородкина, вот тебе жених; а об этом и думать не смей, а то, говорит, я тебя и знать не хочу. У меня так к сердцу подкатило, стало в глазах темнеть, темнеть... Тут уж я и не помню ничего, как стояла, так и упала.

Вихорев. Вот народ-то! Однако что же это лошадей!.. Степан!

Входит Степан.

Что ж лошади? Осел!

Степан. Сейчас будут готовы-с: взвзвешивают. *(Уходит.)*

Авдотья Максимовна. Как я очнулась – не помню; только вижу, тятенька сидит подле меня, плачет... Ну, говорит, бог с тобой!

Вихорев. Ну, а согласился, так и конец, только и надобно было для нашего благополучия. Погоди, заживем мы с тобой.

Авдотья Максимовна. Он мне еще одно словечко сказал, да это так, пустяки, не стоит и внимания.

Вихорев. Что же это за словечко?

Авдотья Максимовна. А вот что: говорит, он тебя, Дуня, не любит, он тебя обманывает, ему только деньги нужны, а не ты. Коли хочет, так пусть берет безо всего. А я думаю: на что деньги? Бог с ними, и с деньгами, не в деньгах счастье. Ну, конечно, приданое, там, что мне нужно, он даст. А деньги... на что они? Не с деньгами жить, а с добрыми людьми.

Вихорев. Да это он врет, он и денег даст.

Авдотья Максимовна. Ну, нет, не знаю: он у нас что сказал, то и свято. Опять же он на меня теперь всердцах, что я его не послушала; он ни за что не даст.

Вихорев. Гм! Дело-то скверно!.. *(Берет себя за голову.)* А-ах!

Авдотья Максимовна. Я, Виктор Аркадьич, так рассудила, что лучше жить в бедности, да с милым человеком, чем в богатстве, да с постылым.

Вихорев. С милым! А как с милым-то жить нечем будет?

Авдотья Максимовна. Да ведь у вас есть деревня своя?

Вихорев. Деревня? Какая деревня!.. Все это вздор!.. Ты вот что скажи,

только говори откровенно: даст он денег, или нет?

Авдотья Максимовна. Не даст!..

Вихорев. Так что ж ты со мной делаешь?

Авдотья Максимовна. Да разве я виновата, Виктор Аркадьич?

Вихорев (*ходя по комнате*). Вам только влюбляться, да как бы замуж выйти за благородного, чтобы барыней быть!

Авдотья Максимовна. Что вы говорите, Виктор Аркадьич?

Вихорев. Кому нужно даром-то вас брать! Можно было, я думаю, догадаться, не маленькая! Любовь да нежности всё на уме!.. Ведь глупость-то какая! Все вы думаете, что вас за красоту берут, так с ума и сходят!

Авдотья Максимовна (*закрывая лицо руками*). Бедная я, горемычная! Для чего это я только на свет рождена!..

Вихорев. Видимое дело, что человеку деньги нужны, коли он на купчихе хочет жениться! Влюбиться-то бы я и в Москве нашел в двадцать раз лучше, а то всякая дура думает, что в нее влюблены без памяти.

Степан (*входит*). Лошади готовы-с.

Вихорев. Пошел вон, дурак!

Степан уходит.

Авдотья Максимовна. Что вы со мной сделали!.. Куда я теперь денусь?.. Как я домой покажусь?..

Вихорев. А мне-то какое дело!.. Зачем ехала?..

Авдотья Максимовна. Ведь вы меня насильно посадили.

Вихорев. Выпроси у отца сто тысяч, так я, пожалуй, женюсь на тебе. Будешь барыня!

Авдотья Максимовна (*вставая и покрываясь платком*). Да отсохни у меня язык, если я у него попрошу хоть копейку! (*Подходит к нему.*) Не будет вам счастья, Виктор Аркадьич, за то, что вы наругались над бедной девушкой... Вы у меня всю жизнь отняли. Мне теперь легче живой в гроб лечь, чем домой явиться: родной отец от меня отступится; осрамила я его на старости лет; весь город будет на меня пальцами показывать.

Вихорев. Уж это мы слыхали не один раз.

Авдотья Максимовна. Бог вас накажет за это, а я вам зла не желаю. Найдите себе жену богатую, да такую, чтоб любила вас так, как я; живите с ней в радости, а я девушка простая, доживу как-нибудь, скоротаю свой век в четырех стенах сидя, проклиная свою жизнь. Прощайте! (*Плачет.*) Прощайте... Я к тятеньке пойду!.. (*Быстро уходит.*)

Явление второе

Вихорев, потом Степан.

Вихорев (*один*). Опять несчастье! Ах, чорт возьми! Куда я теперь денусь?.. Домотался! Хоть в маркёры ступай! Поеду еще куда-нибудь... Говорят, в Короваеве есть богатые купцы, и недалёко – всего верст пятьдесят... Степка!

Степан (*входит*). Чего изволите-с?..

Вихорев. Вели этих лошадей откладывать, а мне найми других, в Короваев. Да поезжай в гостиницу, укладывайся, я сейчас там буду. (*Уходит.*)

Явление третье

Степан (*один*). Должно быть, опять не выгорело! Эх, жизнь, жизнь! Теперь злой сделается, аки лев. Всякую беду все на мне любит срывать. Да это легче в Сибирь Тобольской итти. Дождется уж он, что я от него убегом уйду.

Сцена II

Комната 2-го акта

Явление четвертое

Арина Федотовна и Анна Антоновна выходят из боковой двери и подходят к задней.

Анна Антоновна. Скажите, пожалуйста! Ах-ах-ах!.. *(Качает головой.)*

Арина Федотовна. Увез, увез, матушка! Такой молодец! Подхватил в коляску проворным манером, только я их и видела.

Анна Антоновна. Уж это по глазам было видно, что парень ловкий.

Арина Федотовна. Какой еще ловкий-то!.. Одного я боюсь: братец спросит, где Дунечка, что я скажу? Скажу, что у тебя; запоздала, мол, и ночевать осталась. Ну, а завтра сами приедут, там как хотят.

Анна Антоновна. Обещал мне материи на платье подарить.

Арина Федотовна. Что ты!

Анна Антоновна. Право.

Арина Федотовна. Видишь ты, какой благородный человек! *(Целуются.)*

Анна Антоновна уходит. Арина Федотовна садится к столу.

Посмотрим, что карты скажут.

Входят Бородин и Русаков.

Явление пятое

Арина Федотовна, Русаков и Бородин.

Русаков. Сестрица, а сестрица!

Арина Федотовна *(смешивая карты).* Чего изволите, братец?

Русаков. Да пора бы ужинать, ведь уж время-то поздно.

Арина Федотовна. Сейчас, братец. *(Уходит.)*

Русаков. А ты, Иванушка, поужинай с нами. Мать-то знает, что ты ко

мне пошел?

Бородкин. Знает.

Русаков. Ну, так что ж, ну, и ничего, беспокоиться не будет. А ты с нами посиди.

Входит девка и накрывает стол.

Скажи ты мне, Иванушка, отчего тебя Дуня не любит?

Бородкин. Я, Максим Федотыч, не знаю-с. Я, кажется, готов всю душу положить за Авдотью Максимовну и всячески стараюсь, как угодить. Если не любят, все-таки, не я тому причиной. Может, есть лучше нас, а между прочим, не знаю-с.

Русаков. Ничего, Иванушка, не тужи. Девичье сердце переменчивое: нынче не любит, а завтра полюбит.

Бородкин. Хорошо, кабы так-с.

Арина Федотовна (*входит*). Готово, братец.

Русаков. А Дунюшка где?

Арина Федотовна. Не знаю, братец, еще не бывала.

Русаков. Как же не знаешь; ведь ты с ней вместе ходила?

Арина Федотовна. Да она хотела к Анне Антоновне зайти; должно быть, там засиделась.

Русаков. Что ж ты ее одну бросила! Пошли за ней девку поскорей – это недалёко.

Арина Федотовна. Да она, может быть, братец, там ночевать останется.

Русаков. Это зачем еще?.. Пошли, я хочу ее видеть.

Арина Федотовна. Сейчас, братец! (*Уходит.*)

Русаков. Подождем Дунюшку, посидим, покалякаем о чем-нибудь. (*Молчание.*) Что это, Иванушка, как я погляжу, народ-то все хуже и хуже делается, и что это будет, уж и не знаю. Возьмем хоть из нашего брата: ну, старики-то еще туда-сюда, а молодые-то?.. На что это похоже?.. Ни стыда, ни совести; ведь поверить ничего нельзя, а уж уважения и не спрашивай. Нет, мы, бывало, страх имели, старших уважали. Опять эту моду выдумали! Прежде ее не было, так лучше было, право. Проще жили, ну, и народ честней был. А то – я, говорит, хочу по моде жить, по-нынешнему, а глядишь, тому не платит, другому не платит.

Бородкин. Все это, Максим Федотыч, от необузданности, а то и от глупости.

Русаков. Именно от необузданности. Бить некому! А то-то бы учить-

то надо... Охо-хо – палка-то по ним плачет.

Бородин. Ведь всё себе на гибель, Максим Федотыч.

Русаков. Да ведь другого жалко. Глядишь, мальчонка-то и не дурак, ведь, может, из него бы и путный вышел, кабы в руки-то взять. А то его точно как вихорем каким носит, либо кружится тебе, как турман, ровно как угорелый, что ли, да беспутство, да пьянство. Не глядели б глаза, кажется.

Бородин. Потому, главная причина, Максим Федотыч, основательности нет... к жизни... Кабы основательность была, ну, другое дело; а то помилуйте, Максим Федотыч, в голове одно: какое бы колено сделать почудней, чтоб невиданное...

Входит Маломальский.

Явление шестое

Те же и Маломальский.

Маломальский. Сват, я к тебе пришел... примерно, за делом...

Русаков. Ну, что ж, садись, милости просим. (*Маломальский садится.* Молчание.) Ну, что же у тебя за дело?

Маломальский. Только, чтоб тово... не вдруг...

Русаков. Да что там такое?

Маломальский. Это, сват, со всяким может.... гм... потому захочет что сделать, если, примерно... как ты ее удержишь или усмотришь... настоящее я тебе дело говорю...

Русаков. Эх, бестолков ты, сват.

Маломальский (*отойдя на авансцену, мигая и маня рукой Русакова*). Поди сюда.

Русаков. Говори вслух, что тебе?..

Маломальский. Примерно, такая штука... секретная...

Русаков. Что там еще?

Маломальский (*оглядываясь*). Сват... а где у тебя дочь?

Русаков. Говорят, к вам пошла, к Анне Антоновне.

Маломальский. Говорят! Кто говорит?.. Не верь, врут!.. врут, сват... Обман, один обман...

Русаков. Поди пропись!.. Еще у тебя, видно, хмель-то не вышел... пьян еще...

Маломальский. Нет, не пьян... Видел... своими глазами видел...

Русаков. Да что ты видел-то, говори, злодей!..

Маломальский. Ее, сват, видел... ее... едут... в коляске...

Русаков. С кем?..

Маломальский. С барином... с моим с постояльцем... Да... я не пьяный... я видел...

Бородкин. Кое место-с?

Маломальский. За валом... на мосту...

Русаков (*садится к столу и подпирает голову рукой*). Господи, поддержи! (*Молчание.*) Сестра!

Арина Федотовна входит.

Явление седьмое

Те же и Арина Федотовна.

Арина Федотовна. Что вы, братец?

Русаков. Где дочь?

Арина Федотовна. Право, братец, не знаю...

Русаков. Говори, сестра, говори всю правду, слышишь!

Арина Федотовна. Право, братец, не знаю... Может быть, Виктор Аркадьич... Они тут на лошадях подъезжали...

Бородкин. На чьих лошадях – на извозчичьих-с?..

Арина Федотовна. Нет, на Баранчевских.

Бородкин. Так далеко не уедут-с. Либо у Баранчевского надо искать, либо по гостиницам-с.

Русаков. Постой ты. Что ж, она с ним села да и поехала?

Арина Федотовна. Нет, братец, он ее насильно посадил.

Русаков. Насильно! (*Встает.*) Что ж это, отцы мои!.. Увезли девушку насильно! Помогите! Дочь мою, голубушку мою, последнюю мою радость. Ведь это разбой!.. Побежимте!..

Бородкин. Я хоть сию минуту-с.

Маломальский. Поедем... у меня, сват, лошадь здесь...

Русаков (*хватаясь за голову*). Постойте! Откуда он ее увез?

Арина Федотовна. За валом, братец, от мосту.

Русаков. А зачем она там была? Вы ведь в церковь пошли?

Арина Федотовна. Мы, братец, гуляли.

Русаков (*хватая ее за руку*). Врешь, у вас уговор был! Говори, был

уговор? Говори!

Арина Федотовна. Был.

Русаков (*садится со слезами*). Так зачем же мы поедем? Она своей волей уехала, она своей волей бросила отца, насмех людям, бросила старика одного горе мыкать! Дочка! не век тебе будут радости. Вспомнишь ты и обо мне. Кто тебя так любить будет, как я тебя любил?.. Поживи в чужих людях, узнаешь, что такое отец!.. Диви бы, я с ней строг был или жалел для нее что. Я ли ее не любил, я ли ее не голубил?.. (*Плачет.*)

Бородкин. Полноте, Максим Федотыч, пойдёмте, может и найдем.

Русаков. Не трожь, Иванушка, дай мне наплакаться, потом легче будет.

Бородкин. Да ведь уж слезами, Максим Федотыч, не поможешь; лучше пойти поискать.

Русаков. Где искать! Зачем искать!

Арина Федотовна. Ах, братец, как вы себя убиваете. Что вы беспокоитесь; они завтра сами придут: обвенчаются и придут.

Русаков (*встает.*). Обвенчаются! Так нет, не хочу, не хочу! Поедем, сват! Отниму, коли найду. Запру в светлицу, там и сиди. Пусть лучше умрет на моих глазах, только не доставайся моему врагу.

Бородкин. Мне тоже прикажете?

Русаков. Ты останься. Ну, сестрица, голубушка, отблагодарила ты меня за мою хлеб-соль! Спасибо! Лучше б ты у меня с плеч голову сняла, нечем ты это сделала. Твое дело, порадуйся! Я ее в страхе воспитывал да в добродетели, она у меня как голубка была чистая. Ты приехала с заразой-то своей. Только у тебя и разговору-то было что глупости... все речи-то твои были такие вздорные. Ведь тебя нельзя пустить в хорошую семью: ты яд и соблазн! Вон из моего дома, вон! Чтобы нога твоя не была здесь!

Арина Федотовна. Вы всегда, братец, обижаете...

Русаков (*уходя с Маломальским*). Потаскушка ты этакая! (*Уходят.*)

Явление восьмое

Арина Федотовна и Бородкин.

Арина Федотовна (*садится, плачет, потом, поднявши голову*). Ишь ты, разгулялся! Ругатель, обидчик, мужик необразованный!

Бородкин. А то вас не ругать! Что ж, хвалить, что ли, за этакie дела?

Арина Федотовна. И ты туда ж!.. Ах ты, дрянь бородастая! Молчал бы уж лучше...

Бородкин. Так что ж, небойсь, хорошо сделали!..

Арина Федотовна. Да вот как ни сделали, а тебе не досталось. Теперь ищите с батюшкой-то, а уж дело-то кончено; по крайней мере на своем поставили.

Бородкин. Как бы после не плакать.

Арина Федотовна. Не об тебе ли уж?.. Эко несчастье, скажите! Какого жениха упустили!.. Как не плакать!.. А посмотри-ка, как он завтра с ней прикатит, да взойдет-то этакой кавалер, так любоваться мило-дорого будет.

Бородкин. Хорошо, кабы вашими устами да мед пить. Я бы сам вчуже за Авдотью Максимовну порадовался.

Арина Федотовна. Да уж теперь не то, что прежде – и посмотреть-то на нее ты должен за счастье считать.

Авдотья Максимовна входит держась за дверь и молча садится к столу. Арина Федотовна и Бородкин смотрят на нее в недоумении.

Явление девятое

Те же и Авдотья Максимовна.

Авдотья Максимовна. Господи! измучилась... Ну, слава богу, теперь, по крайней мере, я дома...

Арина Федотовна. Дунечка, что с тобой! Откуда ты?..

Авдотья Максимовна. Где тятенька?

Бородкин. Они пошли-с... гм... недалечко-с... скоро придут...

Авдотья Максимовна. Мне его нужно видеть поскорей... Где он, скажите вы мне!..

Арина Федотовна. Дунечка, беда у нас: ведь он все узнал. Тебя искать поехал. Селиверст Потапыч ему все рассказал – он видел, как вы ехали с Виктором Аркадьичем.

Авдотья Максимовна. Тятенька, голубчик! Скоро ли он придет, скоро ли?.. Я измучаюсь, исстрадается мое сердце до него, вся душа изноет.

Бородкин (Арине Федотовне). Надо вам было говорить!

Авдотья Максимовна. Кто-то стукнул, не тятенька ли?.. *(Встает шатаясь.)*

Бородкин (поддерживая ее). А хоть бы и он, что ж за беда-с?.. Нешто вы в этом виноваты, коли вас насильно увезли.

Авдотья Максимовна. Только как мне горько, кабы вы знали!.. На

кого была надежда, что он со мной сделал!.. Тошнехонько мне!..

Бородкин. Что же он с вами сделал-с?

Авдотья Максимовна (с отчаянием). Что сделал? Прогнал! Мне, говорит, тебя не нужно, а нужны деньги. А я, дура, думала, что он меня любит.

Бородкин. Значит, Авдотья Максимовна, я так думаю; это дело надо будет бросить-с.

Авдотья Максимовна. А тятенька-то что скажет? Что люди-то скажут?

Бородкин. Позвольте мне за это дело взяться: я его обделаю, как должно.

Авдотья Максимовна. Вы?..

Бородкин. Я-с. Только, Авдотья Максимовна, как собственно теперича этот барин за все свои невежества не стоит того, чтобы вы его любили, так уж я буду в надежде-с.

Авдотья Максимовна. Я все на свете для вас сделаю, только бы тятенька не гневался на меня.

Бородкин. А когда так, не извольте ничего беспокоиться, идите себе в комнату, а я с тятенькой переговорю. А то расстроите его, да и сами от чувств даже больны можете быть. Что хорошего?..

Авдотья Максимовна. У меня на вас только и надежда!..

Бородкин. Будьте спокойны.

Авдотья Максимовна уходит.

Явление десятое

Бородкин и Арина Федотовна.

Бородкин. Что, есть чему радоваться?.. Убирайтесь-ка лучше от греха, пока Максим Федотыч не пришел.

Арина Федотовна. Кто ж это знал, что так случится; я и ума не приложу.

Бородкин. Говорили вам, кажется, так вы сами умнее всех хотите быть. Посмотрите на Авдотью Максимовну теперь, у меня ажно слезы прошибла.

Арина Федотовна. Ну, вот, поди ж ты, разве можно было ждать от него такого невежества?..

Бородкин. Ох, кабы я на месте Максима Федотыча, я бы вам феферу задал.

Арина Федотовна. Полно храбриться-то!

Бородкин. Что храбриться-то?.. За что погубили девушку?.. Али вам это ничего?..

Арина Федотовна (*прислушивается*). Братец приехал. (*Уходит в боковую дверь. Бородкин притворяет ее.*)

Входит Русаков.

Явление одиннадцатое

Бородкин и Русаков (садится к столу).

Русаков. Нет ее. Ну, Иванушка, сирота я теперь!. Поди домой. Оставь меня, поди!

Бородкин. Куда ж мне торопиться-то, я с вами посижу.

Русаков. Нет ее, Иванушка, ну и не надо, один поживу... имение нищим раздам.

Бородкин. Да помилуйте, Максим Федотыч, может, еще все это благополучно кончится.

Русаков. Я ее теперь и видеть не хочу, не велю и пускать к себе, живи она, как хочешь! (*Молчание.*) Я уж не увижу ее... Коли кто из вас увидит ее, так скажите ей, что отец ей зла не желает, что коли она, бросивши отца, может быть душой покойна, жить в радости, так бог с ней! Но за поругание мое, моей седой головы, я видеть ее не хочу никогда. Дуня умерла у меня! Нет, не умерла, ее и не было никогда! Имени ее никто не смей говорить при мне!..

Авдотья Максимовна входит и останавливается на пороге.

Явление двенадцатое

Те же и Авдотья Максимовна.

Русаков. Кто? кто это?

Авдотья Максимовна. Я, тятенька.

Русаков. Ты? А любовник где?

Авдотья Максимовна. Тятенька!..

Русаков. К нему, к нему, ступай к нему!

Авдотья Максимовна (*твердо*). Я не пойду из дому. Прогоните – я умру на пороге.

Русаков (*молча смотрит на нее*). Где же тот-то? где мой враг-то?..

Авдотья Максимовна. Он меня обманул, он меня не любит – ему только деньги нужны.

Русаков. А! вот что! Я, кажется, давеча говорил тебе об этом. Да где отцу знать: он на старости лет из ума выжил. Ну, зачем же ты пришла?

Авдотья Максимовна. Куда ж я, тятенька, денусь?

Русаков. Ну, что ж, известно, не гнать же мне тебя. (*Притворно смеется.*)

Авдотья Максимовна (*падает ему в ноги*). Тятенька! простите меня!

Русаков. Простите! Нет, ты меня уморила было!.. Ведь мне теперь стыдно людям глаза показать, а про тебя-то и говорить нечего. Нет, голубушка, я тебя запру. Поди! (*Отходит.*)

Бородкин. Встаньте, Авдотья Максимовна, бог милостив! Дело обойдется как-нибудь.

Поднимает ее, она плачет; они отходят в сторону и разговаривают вполголоса.

Входит Маломальский.

Явление тринадцатое

Те же и Маломальский.

Маломальский. Сват, а сват, я, примерно, молодца-то остановил.

Русаков. Ах, провались он совсем! Мне-то что за дело?..

Маломальский. Как, сват, нет, ты не то... Он этого не должен... Он, примерно, теперь осрамил девушку... ну, и женись... мы заставим.

Русаков. Да мне его и даром не надо, не то что насильно заставить. Осрамил – ну, что ж, наш грех!.. Да меня золотом осыпь, я на него и глядеть-то не хочу, не то чтоб в зятя взять.

Маломальский. Это к тому, что теперича... слух этот пойдет... так и так... и, примерно, разойдется по городу: кто ее возьмет?

Русаков. Что ж делать-то, согрешили. На себя пеняй.

Бородкин (*выступая вперед*). Я возьму-с.

Маломальский. Гм!.. (*Мигает глазом.*) Не бери!

Бородкин. Будет вам врать-то-с. Это наше дело.

Русаков. Нет, Иванушка, тебе эта невеста не годится, я тебе найду другую.

Бородкин. Мне другой не надобно-с.

Русаков. Тебе надобно девушку честную, чтоб про нее худой славы не было.

Бородкин. Что это значит худая слава! Коли я люблю Авдотью Максимовну, так это для меня все одно.

Русаков. Да она тебя не стоит. Ей теперь нечего об замужестве думать.

Бородкин. Вы давеча сами обещали. Я вот от своего слова не пячусь, а вы пятитесь. А уж это не порядок, Максим Федотыч!.. Положим, хоша она ваша дочь, а за что ж ее обижать. Авдотья Максимовна и так обижена кругом, должен кто-нибудь за нее заступиться. Ее ж обидели, да ее же и бранить. По крайней мере она у нас будет ласку видеть от меня и от маменьки. Что ж такое, со всяким грех бывает. Не нам судить!

Русаков. Да ты что шумишь-то?

Бородкин. Да мне что шуметь-то?.. Вы мне обещали Авдотью Максимовну, и отдайте!..

Русаков (*подумавши*). Да возьми, пожалуй. Эка невидаль!

Бородкин (*подходя к Авдотье Максимовне*). Авдотья Максимовна, не плачьте, перестаньте-с. Теперь вас никто обидеть не смеет-с. Никому не позволю... самому Максиму Федотычу, провалиться на этом месте!..

Авдотья Максимовна. Иван Петрович! любите хоть вы меня, меня никто не любит. Весь свет на меня!

Бородкин. Помилуйте, Авдотья Максимовна, есть же во мне какое-нибудь чувство; я ведь не зверь, и во мне есть искра божья!

Авдотья Максимовна. Иван Петрович! я за вас буду вечно богу молить, вы заступились за бедную девушку. Уж коли тятенька говорит вам, что вам нужно девушку честную, чего же мне ждать от других-то?.. Этакую муку терпеть!.. Меня б на неделю не стало!.. Кабы кто видел мою душу!.. Каково мне теперь!.. Я честная девушка, Иван Петрович – я вас обманывать не стану. Скажите вы это всем и тятеньке.

Русаков (*пораженный*). Эх-ма, сват, состарелся я, а все еще глуп. За что я ее обидел? Во гневе скажешь слово, а его уж не воротишь. Слово-то, как стрела. Ведь иногда словом-то обидишь больше, чем делом! Так ли, сват?.. А это грех... Дунюшка, словечко-то у меня давеча всердцах вырвалось, маленько оно обидно, так ты его к сердцу не принимай. Самому

было горько, ну и сказал лишнее.

Авдотья Максимовна. Тятенька! простите меня.

Русаков. Бог тебя простит, ты меня-то прости! (*Целует ее.*) Нет, Иванушка, я тебе ее не отдам!..

Бородкин. Как же это, Максим Федотыч? Это на что ж похоже-с?

Русаков. Коли хочешь ее взять, так переезжай сюда, и с матерью, и будем жить вместе.

Бородкин. Это-то все одно-с, а то было уж я перепугался.

Русаков. Сестра, поди сюда!

Входит Арина Федотовна.

Явление четырнадцатое

Те же и Арина Федотовна.

Арина Федотовна. Что вам угодно, братец?

Русаков. Ну, прости меня!.. Теперь, на радости, не ссорятся!

Арина Федотовна. И, братец, что это вы!.. Да смею ли я обижаться?..

Маломальский. А я... все-таки... примерно... его не отпущу...

Русаков. Кого его?..

Маломальский. Барина... То есть ни копейки, примерно, за постой...

Русаков. Ну, уж я за него заплачу, только чтоб он убирался поскорей.

Маломальский. А что, сват, угощение будет?

Русаков. Будет, как не быть. Мы еще и не ужинали. Сестрица, приготовь-ка нам что-нибудь, поздравить жениха с невестой.

Арина Федотовна. Сейчас, братец.

Маломальский. Ну, уж теперь, сват, я загулял... уж теперь вплоть до свадьбы. Там хозяйка как хочет, а я, примерно, гуляю!..

Комментарии

Составитель тома Г. И. Владыкин.

Подготовка текста пьесы и комментарии к ней С. Ф. Елеонского.

Печатается по первому прижизненному собранию сочинений Островского (*Сочинения А. Островского, том первый, С. Петербург, 1859, изд. Г. А. Кушелева-Безбородко*). Отдельные ошибки и искажения, вкравшиеся в текст этого издания, выправлены по автографам и по тексту первого издания комедии.

Над комедией «Не в свои сани не садись», которая первоначально называлась «От добра добра не ищут», Островский работал в 1852 году. 6 октября этого года М. П. Погодин отметил в своем дневнике, что «прослушал» ее (в чтении самого драматурга), а 19 ноября Островский уведомлял Погодина, что «новая пьеса» уже отправлена в театральную цензуру (*письмо к М. П. Погодину от 19 ноября 1852 г., Сб. Библиотеки им. В. И. Ленина, 1939, IV, стр. 16*).

Комедия «Не в свои сани не садись» впервые была опубликована в журнале «Москвитянин» за 1853 год (Ль 5) и в том же году вышла отдельной книжкой.

Раскрывая идейный замысел пьесы «Не в свои сани не садись», Добролюбов писал: «Смысл его тот, что самодурство, в каких бы умеренных формах ни выражалось, в какую бы кроткую опеку ни переходило, все-таки ведет, по малой мере, к обезличению людей, подвергшихся его влиянию; а обезличение совершенно противоположно всякой свободной и разумной деятельности; следовательно, человек обезличенный, под влиянием тяготевшего над ним самодурства, может нехотя, бессознательно, совершить какое угодно преступление и погибнуть – просто по глупости и недостатку самобытности» (*Н. А. Добролюбов, «Темное царство»*). Вместе с тем критик-демократ указывал на славянофильские тенденции пьесы, отразившиеся, в частности, на идеализированном образе патриархального купца Русакова.

Комедия «Не в свои сани не садись» была поставлена впервые на сцене Московского Малого театра 14 января 1853 года. Роли исполняли: Русакова – П. М. Садовский, Авдотьи Максимовны – Никулина-Косицкая, Арины Федотовны – Акимова, Маломальского – Степанов, Анны Антоновны – Сабурова 1-я, Бородкина – С. В. Васильев, Вихорева –

Шуйский, Баранчевского – Колосов, Степана – Кремнев, Полового – Черневский. «Моя пьесы, – писал А. Н. Островский, – долго не появлялись на сцене. В бенефис Л. П. Косицкой 14 января 1853 года я испытал первые авторские тревоги и первый успех. Шла моя комедия «Не в свои сани не садись»: она первая из всех моих пьес удостоилась попасть на театральные подмостки...» Успех постановки пьесы в Малом театре был исключительным.

Не меньшим успехом пользовалась она и в Петербурге. Пьеса была поставлена 19 февраля 1853 года на Александрийской сцене. Роли исполняли: Русакова – Григорьев 2-й, Авдотьи Максимовны – Читау, Арины Федотовны – Орлова, Маломальского – Мартынов 1-й, Анны Антоновны – Громова, Бородкина – Бурдин, Вихорева – Марковецкий, Баранчевского – Каратыгин 2-й, Степана – Фалеев, Полового – Рассказов.

Постановка этой комедии помогла раскрыть свое дарование многим тогдашним превосходным артистам Москвы и Петербурга. Так, «колоссальный Талант П. М. Садовского после исполнения им купца Русакова в «Не в свои сани не садись» Островского, – как свидетельствовал И. Ф. Горбунов, – вырос во всю меру... Л. П. Никулину-Косицкую, артистку Малого театра, Островский называл своей ученицей, исполненную же ею под его непосредственным руководством роль Авдотьи Максимовны по праву считал наполовину своим созданием».

14 января 1903 года Московский Малый театр торжественно праздновал пятидесятилетие со дня первого представления на сцене пьес А. Н. Островского, возобновив в связи с этой юбилейной датой постановку комедии «Не в свои сани не садись». С выдающимся составом исполнителей возобновлена была пьеса в Александрийском театре (21 апреля 1903 г.); играли: Варламов (*Русаков*), Давыдов (*Маломальский*), Далматов (*Вихорев*) и др.

1

a la lettre, mon cher - буквально, мой милый (фр.)